

Проф. М. Я. ПЕРГАМЕНТ

1-267

1267

К ОБЕСЦЕНЕНИЮ БУМАЖНЫХ ДЕНЕГ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЕГО
ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ

Типография Китайской Восточной железной дороги
ХАРБИН—1926

о 1961 г.

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

m

СТРОЕЖ

11

105
1926
175 к.
У-49
Проф. М. Я. ПЕРГАМЕНТ

1756
Дорожному
стариному
Лукане

К ОБЕСЦЕНЕНИЮ БУМАЖНЫХ ДЕНЕГ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЕГО
ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ

Лекции,
изданы 1926.

Ленинградский
Экономический Институт

БИБЛИОТЕКА

К ОБЕСЦЕНЕНИЮ БУМАЖНЫХ ДЕНЕГ.

Несколько слов о его правовых последствиях.

I.

Среди прочих сообщений, имеющих отношение к открывшейся Советско-Китайской Конференции, в прессе говорилось, и даже нераз, о том, будто китайское правительство намеревается предъявить нам счет в связи с обесценением наших прежних денег. В особенности, мол, Мукдэнъ занят этим вопросом и не то собирает данные о количестве старых «романовок» в Китае, не то даже просто таковые накапливает в сундуках. Учреждена—так, напр., пишет газета «Го-цзи-се-бао»—специальная комиссия для составления проекта о выкупе нами романовских денег, причем—добавляется—если СССР не будет в состоянии уплатить единовременно, то предоставлена будет (великодушным образом) рассрочка платежа—однако, не иначе, как под условием обеспечения долга либо нашим имуществом в Маньчжурии, либо коммерческим портом во Владивостоке, либо, наконец, Уссурийской железной дорогой, и притом с непременною во всех случаях начислением процентов по день окончательного погашения всей причитающейся суммы.

Равным образом, если верить газетам, и китайские коммерсанты, в лице разнообразных торговых палат, во главе опять же с мукдэнской, заявили аналогичные, более или менее категорические, требования.

Что нам сказать в связи со всем этим?

Разумеется, по существу ответ крайне несложен и совершенно ясен.

Китайским — как и другим держателям обесцененных бумажных денег — не причитается от нас ровно ничего. Более того: к чести китайского правительства, мы даже хотим надеяться, что, в действительности, относящегося сюда счета оно нам и не представит вовсе.

Нет, заслуживает внимания и характерно, а вместе с тем и печально, не это. Удивляться и скорбеть приходится по поводу обстоятельства другого: по поводу той неосведомленности, — чтобы не сказать: не-образованности, — какая господствует в данном вопросе, как равно и в вопросах близких, родственных, среди широкой публики и в той же прессе.

Ни публика, ни пресса не уяснили себе хотя бы следующих **основных и элементарных** данных из области, о которой идет речь.

1. Спора нет: на первый взгляд представляется, что кредитный билет, всегда и всюду, не иное что, как обязательство уплатить предъявителю какое-то, указываемое достоинством билета, т.-е. его номинальной стоимостью, количество драгоценного металла (золота или серебра).

2. И в самом деле: подобное обязательство имеется, вполне реальным образом, и осуществляется как нельзя лучше там, где установлен свободный обмен кредитного билета на данный металл — на золото или серебро.

3. Мало того: именно таково и было положение вещей, например, в огромнейшем большинстве европейских государств до мировой войны 1914—1918 гг.

4. Но вот наступила сейчас названная война, и прекратился обмен на драгоценный металл всякого рода кредитных билетов, денежных знаков и т. п.

5. Случилось это, как известно, не по чьей-либо вине, а вполне естественно и неизбежно. И, сообразно с тем, более или менее все государства (не исключая,

скажем, Англии), как воевавшие, так и не воевавшие, — все они, в лице своих правительств, были вынуждены издать узаконения (или вообще принять меры) с целью прекращения интересующего нас здесь размена.

6. Смысл этих узаконений, с юридической точки зрения, очень прост и понятен:

Компетентная власть освобождала (пока-что, «впредь до дальнейших по этому предмету распоряжений» и т. п.) казну или эмиссионный банк от лежащего на них обязательства производить указанный размен, — другими словами, уплатить предъявителю билета или знака предмет долга, т.-е. требуемое количество благородного металла.

7. С этого момента кредитные билеты, денежные знаки и т. д. и вообще бумажные деньги и суррогаты их перестают являться обязательствами указанного выше (наш п. 1) содержания.

Они отрываются от показанной на билете или знаке ценности, приобретают свою собственную ценность и судьбу, постепенно теряют всякую связь со своей прежней ценностью.

Их сила отныне заключается, главнейшим образом, в том, что внутри государства они попрежнему — законное платежное средство. В остальном их ценность и судьба зависят от общих условий, факторов и влияний, имманентных хозяйственному обороту (на пример и прежде всего, от спроса и предложения).

Правда, на бумажных деньгах и после того еще продолжало, а равно нередко поднесь продолжает красоваться обещание уплатить предъявителю все ту же ценность в благородном металле. Но правового обязательства это обещание отныне не означает, не порождает: его значение уже не более, как историческое, декоративное или пусть еще какое-либо другое, но только не юридическое.

8. Соответственно, напр., французская или итальянская бумажная денежная единица, франк или лира,

сейчас означают особого рода ценность, не только не совпадающую с прежними франком или лирой, когда они разменивались на ценный металл, но даже резко от них отличную. Ибо ценность бумажных франка или лиры в настоящее время, как известно, равна приблизительно одной пятой части довоенной ценности тех же денежных единиц.

А что касается, например, недавней (до октября 1924 г.) после-военной германской марки, то по ее поводу следует сказать: всем хорошо памятные, несчастнейшие условия, в которых Германия очутилась на почве войны и в результате беспримерного в истории народов Версальского договора, — привели германскую марку к тому, что она обесценилась: сперва упала в десятки, затем в сотни тысяч раз и, наконец, обратилась в некоторую минимальную дробь своей прежней ценности, дотога микроскопическую, что, при числителе один, ее знаменатель писался... биллион. Говоря иначе, прежняя германская марка вплотную подошла к нулю, утратила всякое мало-мальски существенное значение.

9. Пусть не в такой, почти баснословной, степени, однако, необыкновенно все же сильно обесценились и наши советские денежные знаки, а с ними и старые кредитные билеты периодов царского и так-называемого временного правительств, каковые «денежные знаки старых образцов» долгое время «сохраняли платежную силу и имели хождение наравне с вновь выпущенными расчетными знаками» (см., напр., «декрет Совета Народных Комиссаров от 4-го марта 1920 г. о денежных знаках», п. 3: «Сборник декретов о финансах 1917—1920. Петербург, 1920», стр. 211).

Причины обесценения и тут в достаточной мере памятны. Это та же мировая война, далее, гражданская война с ее интервенцией, блокадой и годами военного коммунизма, наконец, обусловленная всем этим чрезвычайная работа «станка» по изготовлению денежных знаков, или, иначе говоря, чудовищная «инфляция».

10. Не требует развития, что только в таком объеме—сильно уменьшенном (франк, лира и др.); либо даже совершенно ничтожном (германская марка, или советский знак, или еще, напр., польская марка, доказавшаяся по наклонной плоскости до величины, далеко не достигавшей и миллионной части золотого паритета, и т. д.)¹⁾),—только в этом ущемленном виде, в этих значительно урезанных границах владельцы означенных валют могли считать себя счастливыми обладателями ценностей. Большого у них к некоторому моменту не оказалось в руках, т.-е. не осталось, не уцелело, и, следовательно, на большее они и не вправе были (или сейчас не вправе) претендовать.

И это, конечно, относится одинаково ко всем владельцам бумажных денег: к тем, кто, допустим, приобрел эти деньги тогда, когда они уже успели упасть, в той или другой степени, как и к тем, кто данную валюту имел еще до начала начавшегося процесса падения и кто, таким образом, это падение ощутил глубоко сильно и болезненно.

Как уже замечено, бумажные деньги разнообразнейшего типа—кредитные билеты, казначейские, денежные, расчетные и другие знаки, а равным образом всякие суррогаты денег (напр., купоны, «сертификаты» и пр.) — являются и в настоящем случае явились чем-то обособленным и самодовлеющим, изменявшимся в своем курсе или, что то же, в своей ценности в зависимости от всей совокупности сторон жизни—внутренней и внешней—данного государства.

И потому, настаиваем мы, было не только естественно, но и абсолютно неотвратимо, что умалившийся, обесценившийся курс ложился бременем, зачастую тягчайшим бременем, на плечи владельца падавшей денежной единицы или валюты, причиняя ему, каждодневно и ежечасно, самый чувствительный, а нередко и

¹⁾ По части этих курсов см., напр., известный «Whitaker's Almanack, 1925», стр. 428 («Monetary Units—Exchange Rates»).

нестерпимый урон и удар. Притом же—обратим еще внимание и на этот столь же важный, сколько бесспорный факт—безо всякой для него, держателя валюты, возможности переложить испытываемый им ущерб на какое-либо другое лицо, требовать себе возмещения от какого-либо другого субъекта.

11. Картина, здесь наблюдаемая, та же самая, какая, допустим, представилась бы нам в том случае, если бы налицо оказался, напр., собственник жемчужины—жемчужины сначала яркой, дивной, дорогой, но потом начавшей тускнеть, тускнеть все более и более и в конечном итоге, омертвевшей или почти омертвевшей. Мы спрашиваем: кто тут пострадал бы от данного процесса потускнения или омертвения жемчужины, потерявшей огромнейшую часть своей ценности, а, быть-может, и всю свою ценность? Ответ не может подлежать сомнению: пострадал бы собственник жемчужины—он, именно он, неминуемо и безвозвратно только он.

Но, ни дать ни взять, таким же точно образом обстоит дело и в интересующем нас вопросе о падении бумажных денег и сопряженном с ним вреде или убытке.

12. Наконец, на тот случай, если бы еще понадобилось некоторое добавочное—строго юридическое—обоснование сказанного; следовало бы обратиться к знаменитой юридической паремии, т.-е. поговорке, гласящей: „*casus a nullo praestantur*“ (Dig. 50, 17, 23 i. f.), т.-е.: «случайные убытки не возмещаются никем». Или к другой еще поговорке, формулируемой так: «*casum sentit dominus*», т.-е.: случай, случайный вред упадет на собственника, ложится на него, должен нестись им, собственником.

Что обесценение денег или, вернее, что вытекающий из него ущерб имеет быть причислен к разряду «случайных», в этом, очевидно, ни один юрист не станет сомневаться: ни об ущербе умышленном, ни о таком ущербе, который причинен по чьей-либо вине, го

ворить здесь не приходится. Для каждого юриста падение валюты в обстановке военного и после-военного времени, нас интересующего, есть, конечно, чистый и типичный «случай» и едва ли не даже высшая его ступень—так-называемая непреодолимая сила, *vis maior, force majeure, act of God*.

Но если так, то применение к держателю, к собственнику денежных знаков приведенного правового положения из области имущественного права не может встретить ни затруднений, ни возражений. Ибо не может быть спора и на тот счет, что для правопорядка денежный знак, в ряде отношений, есть не иное что, как объект, а его легитимированный владелец — не иной кто, как субъект права собственности, т.-е. именно собственник. В доказательство чего достаточно напомнить хотя бы о том, что правила о виндикации, т.-е. об истребовании собственником своего имущества (здесь движимого имущества) обнимают в числе прочих объектов собственности также кредитные билеты и другие денежные знаки, юридической природою коих мы сейчас заинтересованы²⁾.

II.

Нам, пожалуй, могут предложить следующий вопрос:

Хорошо, могут сказать, пусть в правоотношениях внутри государства и, в частности, пусть в сфере гражданско-правовой все это так, но установленные выше положения применимы ли они, вместе с тем, к обороту и отношениям международно-правовым?

И на этот вопрос ответ не подлежит никакому сомнению, — ответ, естественно, утвердительный.

²⁾ См., напр., Германское Гражданское Уложение §§ 935 и 1007, Швейцарское Гражд. Улож. ст. 935, а также прим. 2 (согласно новелле от 23 марта 1925 г.) к ст. 60 Гражданского Кодекса РСФСР.

Весьма недавно, уже во второй половине 1925-го года, в Германии появился новый объемистый труд Артура Nussbaum — выдающегося юриста, ученого, хорошо известного в особенности работами по хозяйственному праву. Труд, который нами имеется в виду, озаглавлен: «Деньги в теории и практике германского, а равно иностранного права» и представляет не только новейшую, но и безусловно лучшую монографию по данному предмету, своего рода сравнительно-правовую энциклопедию в области денег, отнюдь, притом, не оставляющую без внимания и сторону экономическую³⁾.

Так вот что читаем у Нусбаума:

Обязан ли, — так спрашивает наш автор, — **иностраный** владелец кредитного билета терпеть без дальнейшего прекращения размена на благородный металл? Другими словами: не может ли этот владелец потребовать себе вознаграждения от эмиссионного банка или, *mutatis mutandis*, от иностранного государства и его казны?

Автор говорит: конечно, не может. И добавляет: на этот счет в деловом обороте никто не допускает никаких сомнений. «Когда после открытия мировой войны размен был прекращен почти повсеместно, иностранные владельцы кредитных билетов, насколько

³⁾ Arthur Nussbaum: „Das Geld in Theorie und Praxis des deutschen und ausländischen Rechts. Tübingen, 1925“.

Попутно отметим, что почти одновременно с вышедшею в Германии книгою Нусбаума во Францию появляется книга Schkaff'a, посвященная специально денежному обесценению и его последствиям в частном праве („La dépréciation monétaire. Ses effets en droit privé. Paris, 1925“) с предисловием «Министра Народного Просвещения и бывшего Министра Финансов» Де-Монзи. Характерно, что для —серьезного и вдумчивого— автора не возникает даже и вопроса о праве требовать от правительства возмещения за падение бумажных денег. Автору не только самоочевидно, что подобного права не существует, но и самый вопрос о праве ему здесь кажется излишним и праздным. И, соответственно, читатель на протяжении 340 страниц напрасно стал бы искать хотя простого упоминания о компенсации со стороны государства за обесценение его денежных знаков.

известно, покорились этому безусловно и без возражений»⁴).

А почему так?

«Уже потому,—отвечает и на данный вопрос Нусбаум:—что кредитные билеты, поскольку речь идет об обязательствах должника, без сомнения, определяются правом того государства, где находится эмиссионный банк, что, в свою очередь, следует из основных начал международного права»⁵)...

Нужно ли присовокуплять, что там, где—как у нас в России царского и «временного» правительства, а впоследствии и в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике—кредитные билеты были «государственные», т.-е. выпускались самим государством и его казначейством,—что там, вследствие усиления публично-правовых моментов, основание, приводимое немецким ученым, оказывается и подавно справедливым и применимым?

Компетенция, сюда относящаяся, государства, — заявляет автор в другом месте,—вне сомнения, и это «в отношениях не только внутригосударственных, но и международно-частноправовых», одинаково как по адресу **своих** «собственных граждан-владельцев кредитных билетов», если бы они стали ссылаться на гарантированную им конституцией защиту частных прав, так и по адресу «иностранных государств, которые пожелаю бы заявить какую-либо претензию вследствие причинения их гражданам имущественного вреда»⁶).

Прекращение размена кредитных билетов (не перестает пояснять Нусбаум)—есть неоспоримое проявление государственного суверенитета в области денежного хозяйства. Как, равным образом, и все вытекающие из этого прекращения вопросы—напр., подлежат ли и насколько подлежат принятию денежные знаки—регулируются непременно законодательством

⁴) Ук. соч., стр. 142.

⁵) Там же.

⁶) Ук. соч., стр. 32.

того государства, о чьей валюте трактуется, и только этим законодательством. А отсюда, вместе с тем, следует, что «введение принудительного курса... не может служить достаточным основанием для международно-правового вмешательства против чужого государства. Дело идет принципиально о предмете внутренней валютной политики, не допускающей чужого вмешательства» 7).

III.

Обесценение денежных знаков, показательное для мировой войны 1914—18 гг. и послевоенного периода вплоть по настоящее время, не может, разумеется, почитаться, по своему существу, явлением новым и неизведанным.

Наоборот, такое явление повторялось уже не раз в истории человечества, разнообразясь лишь в своих частностях и, прежде всего, в отношении степени падения денежной единицы и, далее, количества и величины порождавшихся падением убытков, крушений и иных его последствий в гражданском и торговом обороте.

Оставляя, однако, в стороне все не только второстепенное, но даже и первостепенное из сюда идущего, мы здесь зафиксируем, да и то более или менее кратко, лишь один исторический факт, являющий для нашей темы крупнейший и непосредственный интерес.

Мы переносимся в Соединенные Штаты Северной Америки в важный для них исторический момент гражданской войны шестидесятых годов истекшего столетия, — войны между северными штатами и южными за отмену рабовладельчества.

В начале этой войны (в 1861 г.) были выпущены (северными штатами) разменные билеты государ-

7) Там же, стр. 139 и след.

ственного казначейства. Но уже вскоре, законом 25-го февраля 1862 г., эти билеты были заменены денежными знаками без покрытия, которые и не подлежали размену на благородный металл, однако, в то же самое время объявлялись законным платежным средством («legal tender»). Эти знаки известны под именем «greenbacks», так как на своей оборотной стороне они были окрашены в зеленый цвет. Их число постепенно все умножалось. Вслед за законом 25-го февраля были изданы еще два аналогичные законодательные акта (так-назыв. «Legal Tender Acts») от 11 июля того же и 3-го марта следующего 1863-го года, и в общей сложности количество данных «greenbacks» возросло в несколько раз: их номинальная стоимость достигла, вместо первоначальных 150-ти, целых 450-ти миллионов американских долларов. Параллельно, естественно, шел процесс обесценения тех же денежных знаков, и уже ко второй половине 1864 г. они упали почти на две трети своей первоначальной стоимости.

Все же, попрежнему, знаки должны были приниматься, и попрежнему этими знаками, за отдельными лишь исключениями (из коих главнейшее—это ввозные пошлины)⁸⁾, производились все платежи и уплаты исключительно по номинальной, означенной на билетах цене, без какого-либо учета произошедшего обесценения.

Необходимо поставить вопрос: но было ли это правильно, т.-е. законно?

Да, с точки зрения названных «Legal Tender Acts» все обстояло благополучно. Эти законы повелевали именно то, что производилось и о чем сейчас рассказано.

Однако, такого ответа мало. Им вопрос не исчерпывался. И вот почему.

⁸⁾ На каждом „greenback“е было напечатано: „This note is a legal tender at its face value for all debts, public and private, except duties on import and interest on the public debt“.

Вставал вопрос о законности самых «Legal Tender Acts», этих узаконений 1862—63 гг. По следующей причине.

Согласно государственному праву Соединенных Штатов Северной Америки, ни один закон не смеет быть «неконституционным», т.-е. находиться в противоречии с самою конституцией Штатов,—не смеет под страхом своей недействительности.

Между тем, в (статье V)⁹⁾ Конституции читаем: «...Никто не может быть... лишен жизни, свободы или имущества без законного судебного разбирательства; а равно не должно быть отбираемо частное имущество для целей общего пользования без справедливого вознаграждения».

Возник спор: нарушают ли — или, наоборот, не нарушают—Конституцию, приведенную ее статью, законы, лежавшие в основании обращения значительно обесценившихся денежных знаков? Другими словами: действовала ли в данном отношении высшая власть Штатов правомерно, или неправомерно? Был ли Конгресс, когда издавал означенные три закона в 1862 и 1863 годах, компетентен поступить так, как он поступил? И должно ли было подчиниться его актам, несмотря на причиняемый ими ущерб и на отсутствие возможности покрыть свой ущерб каким-либо образом?

Нет надобности развивать, насколько тот или другой ответ на поставленный вопрос был важен, неизмеримо важен—для финансов, для всей экономики и всей политики страны. Более того: очевидно и то, какое огромное значение принадлежало ответу и вне Соединенных Штатов, и для других также государств — в масштабе, следовательно, прямо международном.

⁹⁾ Поставленная в скобки статья Конституции означает у американцев одну из статей в дополнение или изменение («Amendments») Конституции.

Опуская все последующие стадии, отметим только, что, в конце-концов, ответ был дан—силою решений («Legal Tender Cases») Высшего Союзного Суда („Supreme Court of the United States“) от 1871-го и по 1884-й год — положительный по всей линии: все «Legal Tender Acts» были признаны правомерными и законными; их действие, а с тем вместе и платежная сила обесцененных «greenbacks», объявлялись неоспоримыми — притом одинаково по обязательствам, возникшим как после 25-го февраля 1862 г., так и раньше этой даты,— наконец, установлялось, что компетентность законодателя, сюда относящаяся, имеется налицо всегда, т.-е. не только в военное, но и в мирное время.

Таким образом, даже в Соединенных Штатах, несмотря на столь характерную для них нелюбовь ко всемогуществу государства; несмотря на пустивший в них прочные корни контроль за действиями законодателя со стороны судебной власти под углом зрения высших начал справедливости, неотъемлемых прав человека и гражданина и права естественного, — несмотря на все это, полномочия законодателя в исследуемой нами области были и тут, и в Штатах Северной Америки, приняты безусловно и без ограничений¹⁰⁾.

В качестве иллюстрации, вдобавок международно-правовой, к изложенному сейчас, сообщим еще о следующем тяжёлом случае («Adam's Case»).

Согласно Вашингтонскому договору от 8-го мая 1871 г. между Штатами Северной Америки и Великобританией, учреждена была Комиссия для разбора всех требований граждан или подданных договаривающихся государств, поскольку эти требования «вытекали из действий, направленных против личности или

¹⁰⁾ Литература о „Legal Tender Cases“ достаточно обширна. Но все существенное можно найти, напр., и в небезызвестном американском „Bouvier's Law Dictionary and Concise Encyclopedia of the Law“, 3 revision (8 ed.), 1914, s. v. „legal tender“, vol. II, pp. 1912—1913.

имущества данных граждан или подданных» («Amer. and Brit. Claims Commission»).

В эту-то Комиссию некий британский подданный, жительствовавший в Англии, по имени и фамилии Вильям Adam, обратился с таким требованием:

Ему-де принадлежат на праве собственности облигации некоторой американской железнодорожной компании в размере номинальных 5.000 ам. долл., приносящие доход из 6% годовых.

Эти проценты он получал вплоть по 31 декабря 1961 г., и был удовлетворен вполне. Но с изданием в 1862 г. законов о признании платежным средством неразменных бумажных денег, все немедленно изменилось: и проценты стали ему выплачиваться в обесцененных деньгах, и самые облигации немало упали в цене. Вследствие указанного и применительно к прилагаемому расчету о понесенных потерях, он, Вильям Adam, просит о присуждении ему 3.309 американских долларов вместе с законными к ним процентами.

«Единогласно» (стало-быть, и голосами английских членов!) Комиссия определила: «...приведенные в записке истца обстоятельства не дают основания для предъявления к Соединенным Штатам законного иска, а потому в иске отказано»¹¹⁾.

IV.

Как известно, ряд государств с расстроеным денежным хозяйством, страдавших от чрезмерной инфляции и падения своих денег, произвели у себя валютную реформу.

К числу таких государств относятся уже называвшиеся нами Германия, Польша, Советская Россия.

¹¹⁾ См. Moore, History and Digest of the International Arbitrations to which the United States has been a party. Washington. III (1898), стр. 3066 и сл. О данном „case“ упоминается кратко и у Нусбаума, ук. соч. стр. 140, примеч. 5.

Какими же способами осуществлялась, как достигалась желанная реформа — требуемое «санирование», т.-е. исцеление денежного дела, спасительная стабилизация денежной единицы?

В этой сложной проблеме нас здесь интересует только одно — это замена прежнего, обесцененного денежного знака новым, полноценным, с неперменным установлением отношения, по которому старый знак обменивался на новый.

В Германии, на основании законодательства от 30-го августа 1924 года (оно вступило в действие в октябре того же года), была создана новая денежная единица — новая, золотая, марка. При этом норма для замены одной денежной единицы другою была установлена такая: одна золотая марка объявлена равною одному миллиарду бумажных марок¹²⁾.

В Польше состоялся переход от упавшей (польской) марки к денежной единице совершенно другого наименования, а именно к так - наз. «золоты» (zloty), причем отношение тут было принято следующее: один золоты равен 1.800.000 польских марок (указания от 1924 г.: 14-мая, 28-го июня и др.).

Так как золотой паритет одинаково как германской денежной единицы (старой и новой марки), так и польской единицы (марки и золоты) остался без изменения¹³⁾, то отсюда ясно:

При денежной реформе в Германии, владелец бумажных марок получил ценностей ровно в миллиард раз меньше, чем сколько он получил бы за то же количество тех же денежных знаков, если бы обесценения не было. И то же самое приходится признать в отношении

¹²⁾ Об этом и дальнейшем можно найти обстоятельные сведения и в русской литературе. См., напр., Нахимсон (Спектатор), «Валютные реформы на Западе», Москва, 1925, главы V и VII, стр. 106 и след. и 134 и след.

¹³⁾ Для Польши паритет тот же, что и для Франции: золотая марка = зол. золоты = зол. франку (на наши деньги 37½ зол. коп.); для Германии паритет в 1,25 раза (без малого) выше (=46½ зол. коп.).

Польши, с той лишь разницей, что здесь владелец получал за каждую марку не в миллиард раз меньше, а, приблизительно, в два миллиона раз меньше того, что выпало бы на его долю при курсе «al pari», т.-е. помимо всякого падения.

Мы спрашиваем, в связи с только-что изложенным: что же, в результате и на почве испытываемого ущерба, заявлены ли были претензии к правительствам германскому или польскому? Если не собственными гражданами, немцами и поляками по принадлежности, то, быть-может, иностранными гражданами и подданными или, пожалуй, их правительствами, вступившими на защиту интересов своих граждан?

Отрицательный ответ диктуется сам собою и в достаточной степени известен. Нам же — после всего сообщенного выше — присовокуплять к этому ответу что-либо нет нужды: такой ответ не только единственно правильный, но и единственно возможный.

V.

Полезно остановиться на аналогичной реформе, преследовавшей ту же цель стабилизации денежной единицы и упорядочения хозяйства, — в Советской России или, точнее и вернее, в Союзе Советских Социалистических Республик. Впрочем, мы и тут будем кратки, исчерпывая свое изложение приведением лишь наиболее для нас интересных из относящихся к реформе законодательных актов.

Предварительно, однако, скажем еще несколько слов о том, что означенной реформе у нас предшествовала двукратная «деноминация» («переименование»). Как хорошо известно, данная мера сводится к обмену обесценивающихся бумажных денег на новые — тоже бумажные — деньги, но только с меньшим обозначением. Подлинной денежной реформы деноминация не означает. Вся цель, ею достигаемая, заключается лишь

в облегчении денежных расчетов путем освобождения денежного оборота от тех огромных цифр, которые вызваны инфляцией и обесценением денег. Вместо миллиардов, оборот начинает считать на тысячи, вместо миллионов — на сотни или даже десятки и единицы.

Дважды советская власть прибегала к деноминации. В 1922 г., когда были выпущены новые денежные знаки, причем эти знаки «образца 1922 г.» должны были заменить собою прежние, из расчета 1 р. (новый) = 10.000 р. (прежн.). А вследствие дальнейшего еще падения рубля, во избежание оперирования с «астрономическими» цифрами, была вторично произведена деноминация. «В целях упрощения и облегчения счета и счетоводства», выпускаются денежные знаки уже «образца 1923 г.», из расчета: 1 р. = 100 р. «образца 1922 г.», или, что то же, с приравнением одного рубля «образца 1923 г.» одному миллиону рублей старого, первоначального образца.

См. декреты Совета Народных Комиссаров от 24-го октября 1922 г., а также более ранний от 3-го ноября 1921 г. и более поздние от 9-го февраля и 29 сентября 1923 г.: «Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства». 1922, № 66, ст. 867; 1921, № 77, ст. 643; 1923, № 12, ст. 157, и № 102, ст. 1024.

Так как деноминация носит, непременно, обязательный характер, или, другими словами, так как счет по новому образцу, а, следовательно, и знаки нового образца обязательны (ибо в противном случае, если бы дозволялось считать и по-новому и по-старому, были бы неизбежны путаница и сугубые осложнения), — то и Советская власть, производя свои «переименования», каждый раз назначала определенные сроки для обмена старых денежных знаков на новые, — сроки, по истечении которых старые знаки утрачивали всякую силу и переставали приниматься в качестве средства платежа.

Так, «в целях однородности денежного обращения и упрощения взаимных расчетов учреждений и насе-

ления, в связи с выпуском денежных знаков образца 1922 г., Совет Народных Комиссаров постановил» прием «всякого рода денежных знаков прежних, до 1922 г., выпусков», и в том числе «кредитных билетов царского правительства, казначейских знаков и кредитных билетов временного правительства» «производить до 1-го октября 1922 г.», после какового срока все они «утрачивают свою платежную силу и не принимаются ни в платежи ни к обмену». (Декреты 28-го июня, 19-го июля и 8-го сентября 1922 г.: «С. У.», 1922, № 43, ст. 514, № 45, ст. 561, и № 59, ст. 738).

После этого, декретом СНК 28-го сентября того же 1922 г. («С. У.», № 62, ст. 793), был предоставлен еще один «льготный месяц» для означенного обмена, а последующим за ним декретом от 31-го октября («С. У.», 1922, № 67, ст. 886), «ввиду технических затруднений, связанных с производством за пределами Р. С. Ф. С. Р. и союзных с ней республик обмена изъятых из обращения российских денежных знаков и обязательств», СНК постановил «...разрешить за пределами РСФСР и союзных с нею республик обмен до 1-го января 1923 г. всех кредитных билетов, казначейских и расчетных знаков, обязательств и денежных суррогатов прежних (до 1922 г.) выпусков...». Каковая льгота — по крайней мере, для некоторой части знаков — затем еще была усилена декретом 4-го января 1923 г., отодвигавшим указанный сейчас срок 1-го января на 31-е января (включительно), а для территорий «за пределами РСФСР и союзных с нею советских республик» — на 31-е марта 1923 г. («С. У.», 1923, № 2, ст. 27).

Таково положение вещей до денежной реформы.

К ней, к этой реформе, Советская власть приступает лишь в 1924 году, зато приступает уже в масштабе всесоюзном.

Еще в начале этого года (14-го февраля) Центральным Исполнительным Комитетом и СНК Союза ССР принимается постановление «о прекращении эмис-

сии советских денежных знаков, стоимость которых не обозначена в твердой валюте» («С. У.», № 34, ст. 308), на основании какого постановления СНК СССР и постановляет 7-го марта того же года («С. У.», № 45, ст. 433):

«1. Приступить к изъятию из обращения советских денежных знаков, стоимость которых не обозначена в твердой валюте, путем выкупа их по твердому курсу.

2. Твердый курс упомянутых в ст. 1 советских денежных знаков установить с 10-го сего марта 1924-го года в 1 рубль золотом за 50.000 рублей в денежных знаках образца 1923 г. В соответствии с этим, определить следующие твердые паритеты купюр денежных знаков образца 1923 года:

500 руб.	денежн. знак.	образца 1923 г.	равны	1 коп.	серебром.
1000	"	"	"	2	"
5000	"	"	"	10	"
10.000	"	"	"	20	"
15.000	"	"	"	30	"
25.000	"	"	"	50	"

3. Остающиеся в обращении денежные знаки образца 1923 г. обязательны к приему государственными, кооперативными и частными учреждениями, предприятиями и лицами по установленному по ст. 2 настоящего постановления курсу по 10-ое апреля 1924 г. включительно. Прием денежных знаков образца 1923 года в платежи кассами Народного Комиссариата Финансов и Государственного Банка и обмен их упомянутыми кассами на твердую валюту производить по 30-ое апреля 1924 года включительно.

4. Прекратить с 25-го марта 1924 года выпуск упомянутых в ст. 1 советских денежных знаков в обращение из касс Народного Комиссариата Финансов и Государственного Банка».

Впрочем, и в данном случае был дан несколько позднее опять льготный месяц, так-что сроки: 10-е и 30-е апреля — обратились, соответственно, в сроки: 10-ое и 31-ое мая (постановление СНК от 22-го марта: «С. У.», 1924, тот же № 45, ст. 434).

Что же касается «заграничных держателей денежных знаков образца 1923 г.», то, «ввиду недостаточности» для них и льготно установленного срока 31-го мая, СНК СССР постановил 17 июня («С. У.», 1924 г., № 75, ст. 761):

«Обязать Государственный Банк Союза ССР производить за границей, через своих корреспондентов, прием советских денежных знаков образца 1923 года в обмен на твердую валюту по 31-ое июля 1924 года включительно».

Все приведенное «в комментарии не нуждается». Дотого сами за себя говорят эти строго правомерные акты, эти тщательно всякий раз устанавливаемые сроки, эти повторные и частые льготы, эти изъятия в пользу заграничных держателей наших денежных знаков с дополнительными для них, в свою очередь, льготами...

А если так, то что же означало бы домогательство китайской стороны получить возмещение за наличные, накопленные или, пусть, накопившиеся количества сначала обесценившихся, а ныне давно утративших и всякую уже ценность, денежных знаков истекших периодов, — периодов, безвозвратно отошедших в историческое прошлое?

Что, поистине, как не «покушение с негодными средствами»?!

Но, пожалуй, всего удивительнее в данной младенческой затее было бы следующее:

Отчего Китай и, в частности, Мукдэнь не заговорил в своё время по случаю превращения германской бумажной марки в макулатуру? Разве Германия китайским гражданам уплатила за бумажную марку полностью, а не одну биллионную часть только?

Отчего, далее, Китай не предъявляет своих претензий еще, скажем, к Франции или Италии, валюта коих, как уже замечено было, опустилась до 20% своего паритета и ниже? Не подлежит, ведь, сомнению, что у

китайских купцов имелись и ныне еще имеются и эти также валюты, пусть в небольших размерах.

А вот и еще валюта. О том, что ее-то в наличии довольно, более чем довольно, — спорить не придется. Разумею японский ен, волею судеб получивший в Маньчжурии необыкновенное распространение и оказавшийся там почти-что законным платежным средством. Между тем, как известно, и японский ен понизился в своей стоимости весьма чувствительно: правда, не на 80%, подобно его коллегам франку или лире, однако, как то показывает его биржевой курс в той же Маньчжурии, на целые 18 — 20% и более.

Так почему же — этот вопрос напрашивается сам собою — Мукдэнская Торговая Палата или, еще лучше, почему же мукдэнское правительство не обращается в Токио с просьбою о возмещении тех огромнейших убытков, какие испытывались и ныне испытываются купечеством в Маньчжурии вследствие падения японского ена?

Мы, со своей стороны, можем дать такого рода обещание: в ту минуту, когда пострадавшему Китаю будут возмещены Германией, Францией, Италией, Японией и т. д. понесенные им, Китаем, потери в связи с падением франка, лиры, ена и пр.; когда на этой почве решительно и диаметрально, таким образом, изменится современное воззрение по нашему вопросу, — воззрение, безапелляционно и по всей линии господствующее, как в государственном и финансовом праве отдельных стран, так и в международном обороте — в доктрине и судебной практике международного права; когда тем самым, в дополнение к нынешней, уже и без того чудовищной международной задолженности, откроется еще новый источник, создастся еще новый фактор возникновения международноправовых обязательств, которые, к тому же, станут исчисляться во много, много миллиардов, нет, более того: во много, много, много триллионов тех или других денежных единиц, — вот тогда, но и только тогда, Союз Со-

ветских Социалистических Республик точно так же не откажет в своем согласии вступить в рассмотрение по существу тех требований, которые уже в настоящее время, будто бы, готовится предъявить к нему Китайское правительство, ссылаясь на обесценение «романовок», «керенок» и прочих тому подобных денежных знаков, превратившихся ныне «optimo jure», т.-е. в порядке юридически безупречном и неуязвимом, в подлинную макулатуру и бумажную труху ¹⁴⁾.

¹⁴⁾ Как на обстоятельство, не лишнее в настоящей связи значительного интереса, укажем напоследок на тот факт, что и сам Китай, в лице своих равновременных и разнообразных правительств, являет в занимающем нас вопросе и направлении поразительный по яркости пример страны и власти с беспрестанным падением бумажных денег, и притом без малейшего хотя бы намека на вознаграждение людей, от того терпевших немало и жестоко. Можно без преувеличения утверждать, что обесценение бумажной валюты тянется через добрую часть истории Китая, от времен стародавних и вплоть до самого последнего, вплоть до настоящего времени. Но об учете, том или ином, подобного обесценения денег—как в прежние времена не говорилось со стороны правительства Китая, так и сейчас не говорится ничего.

Ограничимся приведением лишь нескольких общеизвестных исторических данных из китайской действительности. И сделаем это даже более чем кратко, отсылая в остальном к таким, пользующимся широким распространением трудам, как монография S. R. Wagel, *Chinese Currency and Banking*, 1915 (стр. 62—75) и Н. В. Morse, *The Trade and Administration of China*, 3d ed., 1921 (стр. 151—163), а также к содержательному очерку в книге „North Manchuria and the Chinese Eastern Railway“, Harbin, 1924 (стр. 322—340, ср. русское издание этой же книги, 1922, стр. 531—546). См. главным образом W. F. Spalding, *Eastern Exchange Currency and Finance*, 3rd ed. 1920 (стр. 346, 349—353) и еще Wen Pin Wei, *The Currency Problem in China* (Edited by... Columbia University), 1914 (стр. 19—29).

Уже в XI веке нашей эры выпущенные в Китае центральным правительством бумажные деньги понижаются до 10% своей номинальной стоимости и более.

В XIII столетии бумажные денежные знаки («хюй-цзы»), вследствие своего непомерного количества, падают оконча-

тельно, так-что около 1263 г. потребовалась самая радикальная денежная реформа.

Когда в 1279 году монголы завершили завоевание Китая, они нашли в стране огромное количество обесценившихся бумажных денег, от каковых им оставалось, ради собственного спасения, лишь на-чисто отказаться. Что они и сделали. Но это обстоятельство ничуть не помешало им же заняться выпуском в обращение своих собственных денежных знаков. «Общее количество неразменных бумажных денег, выпущенных за 108 лет властвования Монгольской династии, не имеет себе равного в истории какой бы то ни было страны, одинаково в древнее и новое время». (Wagel, стр. 70). Монгольская валюта упала до 4% своего номинала.

Династия Мин идет по стопам Монгольской династии. И она, в свою очередь, аннулирует бумажные деньги своей предшественницы, но и она не оказывается счастливее: и деньги Мин (так-назв. «чао», от 1367 г.) вскоре обесцениваются до 5% номинала.

Власть переходит к последней династии, Маньчжурской (1644—1911). В 1853 году, после перерыва в четыре с половиною столетия, возобновляется выпуск бумажных денег, но уже в 1861 году, в связи, между прочим, с Тайпинским восстанием, эти деньги понижаются до 3% показанной на них стоимости. (Номинально они подлежали размену, но фактически никогда, конечно, не разменивались). Правительство было решительно бессильно улучшить положение, и бумажные деньги, превратившись в макулатуру, сами собою сошли со сцены и окончательно исчезли.

С тех пор центральное правительство в Китае не выпускало больше денежных знаков. Однако, за это же дело в последнее время взялись некоторые провинциальные правительства: гонимые нуждою, они начали выпускать свои бумажные знаки. Причем известные обстоятельства здесь сложились так, что «отбрасывают нас назад на целые одиннадцать столетий». (Morse, стр. 161).

Оставляя в стороне и в данном случае весьма, весьма многое, я еще только сосредоточусь на судьбе так-наз. «дяо», выпускаемого двумя провинциальными (казенными) банками, Гириньским и Цицикарским (Хэйлуцзяньским).

Переоценивать значение бумажного дяо в жизни Северной Маньчжурии, положительно, трудно: дотого, поистине, велико это значение. Дяо пользуется широчайшим распространением среди населения обеих названных провинций. Он «заменил собою исчезнувший из обращения медный дяо, который был когда-то единственным орудием обмена в народном хозяйстве, и, пользуясь особенным доверием населения, приобрел уже значение чисто-народной денежной единицы. Такое отношение населения к медному дяо целиком было перенесено на дяо бумажный.... На дяо провинциальных

банков производятся все взаимные расчеты населения. Не будет преувеличением сказать, что вся экспортная торговля хлебом производится через посредство дяо...» («Северная Маньчжурия и КВжд», стр. 533).

Что же, спрашивается: сообразно с этим чрезвычайным значением данного денежного знака, китайские местные власти, эти полные хозяева эмиссии, усердно заботятся о поддержании дяо и его курса на требуемом, неизменно высоком, уровне?

Пусть судит читатель сам:

В 1903—1905 гг. за золотой рубль давали: гириньских дяо 2,15, цидикарских—2,65.

В 1908 г. это отношение, для обоих дяо, ухудшилось уже почти в 2 раза: оно становится, соответственно, 4,2 и 5,0.

Гис дальше падение дяо усиливается еще несравненно более.

В январе 1913 г. золотой рубль равен 7,4 гириньским и 8,8 цидикарским дяо, а в 1923 г. тот же золотой рубль равен уже:

от 106,92 до 156,08 гириньских и от 81,04 до 132,1 цидикарских дяо (по некоторым причинам гириньский дяо обогнал, в своем падении, дяо цидикарский).

(См. таблицы в «Северной Маньчжурии и КВжд.»: русск. изд., стр. 535, и англ., стр. 334 и сл.).

Итого, за 20 лет гириньский дяо понизился в 49,73—72,59 раз, т.-е. к 1924 году он стоит не более 1,37%—2% того, что стоил прежде. А цидикарский дяо за тот же период понизился в 30,58—49,85 раз и, следовательно, к 1924 году оказался равен лишь 2%—3,27% своей первоначальной стоимости.

Показательны также и резкие колебания на протяжении одного и того же года.

Суммируя все сказанное о бумажном обращении в Китае в прошлом и настоящем, скажем еще только: «Sapientia sat».

СПбГУ

00041932

ЮФ СПбГУ